

ГЕТЕРОТОПИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

УДК 304.2

О.В. Летов

РОССИЯ И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, mramor59@mail.ru*

В статье поднимается проблема поиска национальной идентичности, рассматривается амбивалентность отношений между Россией и Западом, исследуется «образ Запада» в российском искусстве.

Ключевые слова: Россия; идентичность; неоевразийство; духовность; образ Запада; философия истории.

Поступила: 10.03.2017

Принята к печати: 27.04.2017

O.V. Letov

Russia and the West: The Problem of Russian Identity

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, mramor59@mail.ru*

The article raises the problem of searching for a national identity, examines the ambivalence of relations between Russia and the West, examines the «image of the West» in Russian art.

Keywords: Russia; identity; Neo-Eurasianism; spirituality; the image of the West; philosophy of history.

Received: 10.03.2017

Accepted: 27.04.2017

В период после краха советской системы в России отмечается спонтанный интерес к истории. Людей все больше занимают вопросы их генеалогии, истории конкретного региона. Эту тенден-

цию можно обозначить как стремление «назад к истокам». Если во времена М. Горбачёва интерес к истории сводился в основном к преступлениям сталинизма, то после 1991 г. все большее число публикаций посвящаются проблемам национальной идентичности россиян, национальным традициям, существовавшим до 1917 г. История России охватывает несколько периодов, отличающихся друг от друга. Какой же из них в большей степени подходит как парадигма национальной идентичности? Как показывали результаты социологического опроса, проведенного в 1990-е годы, в качестве наиболее влиятельного государственного деятеля 44% россиян назвали Петра Великого. Основатель советского государства В.И. Ленин получил 15%, продолжатель его учения И. Сталин – 6% [Bagger, 2007, p. 109–125].

Некоторые участники дискуссии, посвященной вопросу о национальной идентичности России, не согласны с тем, что в эпоху Петра Великого страна «встала с колен». Они считают, что осуществляемые в этот период европеизация России и секуляризация культурной жизни подорвали подлинные национальные традиции. Согласно этой позиции, российская идентичность берет начало в восточнославянском культурном сообществе, возникшем в Киевской Руси с принятием христианства в 988 г. Иными словами, согласно этой точке зрения, в основе национальной идентичности России лежит православие. Одним из характерных представителей подобной позиции выступал лауреат Нобелевской премии по литературе А. Солженицын. Он подверг резкой критике Соглашение о распаде Советского Союза, выступал против идеологии украинских националистов, которые отождествляют Киевскую Русь с первым украинским государством. Противники подобной идеологии вправе указать на то обстоятельство, что трудно рассматривать историю Киевской Руси в отрыве от истории Великого Новгорода.

Представители православной традиции широко обращаются к наследию славянофилов 1840-х годов, «панславистов» 1860-х годов и религиозных русских философов последующих десятилетий. Обращаясь к прошлому, они стремятся вновь раскрыть оригинальность русского сознания, опирающегося на православие. Все это указывает на особый характер и особую миссию России в мировой истории. Иными словами, сторонники православной традиции находятся в поиске «русской идеи». В период после краха советской системы целью национальной российской политики являлось соз-

дание нации граждан (россиян), а не этнической нации (русских). Согласно директивам этой политики, необходимо абстрагироваться от религиозных и культурных различий отдельных российских граждан. Основным условием их объединения должна выступать общность гражданских прав индивида. На базе этой общности должна вырабатываться лояльность по отношению к государственным институтам и социальным ценностям. Вместе с тем представители оппозиционных партий подчеркивают, что нация – это прежде всего душа, в основе которой лежит интеллектуальный принцип, сформулированный национальными лидерами на базе общего славного прошлого. Подобные идеи фактически опираются на концепцию известного французского мыслителя Э. Ренана (1823–1892).

Р. Марш [Marsh, 2007, p. 555–578] ставит вопрос о том, можно ли рассматривать Запад как российское «другое». Иными словами, является ли подобное противопоставление в период, когда Россия столь открыта по отношению к Западу, как ни в один другой промежуток истории, когда российские и западные историко-культурные ценности сближаются, неактуальным? Важным аспектом жизни каждой нации выступает ее самоопределение, которое включает в себя не только то, чем нация является, но и то, чем она не является. В настоящее время в России подобный процесс самоопределения протекает более интенсивно, чем на Западе. Такие вопросы, как «Россия – Запад или Восток?», «Является ли Россия частью Европы или Азии? Или и тем и другим?», «Каково отношение России к западной цивилизации?», «Чувствуют ли русские себя европейцами?» и т.п., обсуждались на протяжении многих столетий и обуславливали развитие политической и социальной мысли в России.

Любая попытка сравнения, как правило, опирается на осознанное или неосознанное признание идентичности. И когда россияне сравнивают или противопоставляют себя и Запад, они явно или неявно признают свое сходство с Западной Европой или США. В международных и культурных отношениях на протяжении различных периодов истории русские проявляли внутреннее чувство более высокого или более низкого порядка по сравнению с Западом. В своей работе Р. Марш пытается исследовать «образ Запада» в представлении российских писателей и культурных деятелей. Термин «образ» включает в себя такие понятия, как «убеж-

дения», «отношение», «стереотипы». Для современных российских писателей и мыслителей образ Запада подразумевает представления о западной культуре, реальные или воображаемые. Эти представления помогают понять или вновь открыть свою собственную страну, которая всегда сохраняется в фокусе внимания субъекта. При этом Р. Марш опирается на такие идеи, как мысль М. Фуко о том, что дискурс – это предмет, за который и вокруг которого происходит борьба, а также положение словенского философа С. Жижека, согласно которому факты никогда не говорят сами за себя, а всегда вынуждены говорить благодаря системе дискурсивных средств [Marsh, 2007, p. 555–578].

Как и представители русской классической литературы, современные русские писатели формулируют идею «русского Запада» («изобретенного Запада»), выступающую дополнением западного образа Восточной Европы («изобретенного Востока»). Представление русских писателей, даже тех, кто долгое время путешествовал по Западной Европе, как, например, Д. Фонвизин, А. Герцен, И. Тургенев или Ф. Достоевский, было столь же стереотипным, как и образ России в произведениях западноевропейских литераторов. Если последние нередко подчеркивали такие стороны русской жизни, как неистовство, трагизм и апокалиптичность, то первые, даже те из них, которые восхищались западноевропейской политической организацией и западными технологиями, делали в своих произведениях акцент на таких чертах западного общества, как рационализм, холодность, эгоизм и бездушный материализм. Подобные взгляды демонстрировали и русские писатели XIX в., и представители эпохи изоляционизма и холодной войны, и современные российские авторы. В то же время как каждое следующее поколение на Западе вновь открывает для себя Россию, так и россияне в изменившихся условиях находят что-то новое в европейской культуре.

Начиная с 1980-х годов XX в. в России обрели новую жизнь дискуссии между «демократами» и «национал-патриотами». В отличие от относительно более стабильной социально-политической ситуации 1840-х годов, когда имели место известные споры между «славянофилами» и «западниками», эти дискуссии проходили в более «динамичное» время. Если в XIX в. в подобных спорах был представлен широкий спектр мнений от крайнего «западника» П. Чаадаева до непримиримого противника Запада Н. Данилевского,

то начиная с эпохи перестройки и в более поздний постсоветский период в российском общественном мнении доминировал «прозападнический» подход, согласующийся с принципами «нового мышления», сформулированными М. Горбачёвым. Вместе с тем сторонники «традиционализма» не могли не отметить такие антирусские тенденции, как сатирический подход к российской и советской истории в литературных произведениях, изданных в эпоху перестройки, например: «Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина» В. Войновича; неуважительное отношение к классику русской литературы А. Пушкину и русской культуре в целом в «Прогулках с Пушкиным» А. Синявского; высказывание В. Гроссмана о порабощенности русской души на протяжении тысячелетий в повести «Все течет». Согласно Гроссману, бездна была в том, что развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России оплодотворялось ростом рабства.

В трактовке сталинизма также присутствовали две противоположные точки зрения. Российские «демократы» соединяли фигуру Сталина с восточными деспотами типа египетских фараонов или Тамерлана, с «широкой грудью осетина» (О. Мандельштам), с отсталостью и рабством. В то же время «патриоты» находили истоки ленинизма и сталинизма в идеях западноевропейских мыслителей, таких как Т. Кампанелла, П. Прудон, Г. Бабёф, идеологи Великой французской революции.

После краха коммунистической системы многие российские писатели и кинорежиссеры предпринимали попытки исследовать русское национальное сознание с помощью сравнения России с ее «alter ego» – Западом. Эта тема присутствует как в российской «популярной», так и в «элитарной» культурах. Несмотря на то обстоятельство, что и россияне, и жители Западной Европы имеют возможность путешествовать и в ту, и в другую сторону, и то, что лучшие произведения западных писателей широко переводятся в России, а лучшие работы российских авторов – в Европе, стереотипы восприятия представителей одной культуры другой до сих пор сохраняются. В современной западноевропейской литературе Россия по-прежнему предстает экзотической, чужой и загадочной страной. Вместе с тем в произведениях некоторых российских писателей, даже тех, кто провел немало времени на Западе, как, например, В. Ерофеев или Т. Толстая, представлены весьма упро-

щенные взгляды на западноевропейскую культуру, в частности по поводу феминистских идей.

В постсоветский период представители демократического и эмигрантского крыла российских писателей в своих произведениях выражали симпатию к западным ценностям, стремились упрочить взаимопонимание между Россией и Западом. В российских фильмах и книгах 1990-х годов западное общество воспринимается в целом позитивно, хотя и поверхностно. Так, в кинофильме Ю. Мамина «Окно в Париж» французская столица предстает не столько в реальном, сколько в мифическом виде. Город, полный красоты и свободы, существовал лишь в постсоветском воображении россиян. Современный российский писатель, бывший преподаватель истории В. Пьецух в своем произведении «Заколдованная страна» приходит к выводу о том, что нет необходимости постоянно сравнивать Россию и Запад, поскольку российская история и география существенно отличаются от западноевропейской. Вместе с тем он признает, что привычка сопоставлять Россию и Запад глубоко укоренена в сознании россиян. Т. Толстая в работе «Жизнь женщин», по сути, разделяет позицию, согласно которой «женственная русская душа» противопоставляется мужской, рациональной, активной, ясной и определенной душе западной. Толстая упоминает о том, как часто классики русской литературы насмеялись над англичанами с их машинами, над немцами с их точностью и порядком, над французами с их логикой, над американцами с их любовью к деньгам. В итоге в России «мы не имеем ни машин, ни порядка, ни логики, ни денег» [Marsh, 2007, p. 555–578].

Такие известные писатели постсоветского периода, как В. Маканин и В. Пелевин, в своих книгах подчеркивают, что в новую эпоху Россия заимствует у Запада отнюдь не лучшие черты. Так, Пелевин в романе «Generation “П”» отмечает, что Россия всегда отличалась разрывом, существующим между культурой и цивилизацией. В настоящее время не осталось ни культуры, ни цивилизации: один только разрыв. В своих произведениях Пелевин стремится показать, что тексты рекламы, представленные в западном стиле и доминирующие в постсоветской России, выступают не чем иным, как новой формой пропаганды, каким ранее выступал социалистический реализм. С иронией обращаясь к буддизму и мифологии Вавилона, он подчеркивает, что традиционное деле-

ние «Восток – Запад» в современной России оказывается весьма условным.

Некоторые писатели «демократического» направления с целью выявить национальную российскую идентичность обратились к истории XVIII в. Именно в эту эпоху Россия претерпела значительное число внутренних реформ и переворотов, завоевывая все большее влияние в Европе. Такие авторы, как Д. Гранин (в произведении «Вечера с Петром Первым») и В. Аксёнов (в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки»), обращаются к российской истории отчасти в силу того, что дидактические проповеди на современные темы способны лишь оттолкнуть читателя XXI в. В этих условиях более надежный путь писателя к людям – это тонкие исторические параллели с нынешней действительностью.

Возрождение националистического движения в России в середине 1990-х годов связано не только с кризисом рыночных реформ, но и с неспособностью либеральных политиков уделять должное внимание национальным и этническим вопросам, проблемам государственного строительства. Тем самым восполнялся существующий в тех или иных областях российской социально-политической жизни вакуум. Сторонники «традиционализма» были поддержаны на государственном уровне в связи с празднованием пятидесятой годовщины победы в Великой Отечественной войне в 1995 г. Росту подобного движения не могли не способствовать агрессивные действия стран – членов НАТО в бывшей Югославии. Как показывают результаты социологических исследований, российская молодежь, в целом ранее приветствовавшая западное влияние как «запретный плод», во второй половине 1990-х годов стала воспринимать подобное влияние скорее как «навязываемый обман». Вместе с тем молодые люди при этом сохраняли стереотипы мышления, согласно которым Запад воспринимался как источник материализма, в то время как Россия рассматривалась как воплощение духовности.

Традиционалистские тенденции нашли свое отражение в произведениях искусства. Так, в спонсируемом государством кинофильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник» холодному материализму Запада противопоставляются такие исконно русские черты, как братство и коллективизм. Вместе с тем многие российские кинокритики отмечали, что этот фильм, где Россия представлена в стиле китча, ориентирован прежде всего на западную ауди-

торию. Однако у этой аудитории не могло не вызвать раздражение то обстоятельство, что представители Запада выступают в фильме не иначе как эксплуататорами, мошенниками или проститутками. В оппозиционной российской прессе появилось суждение, что подобный фильм – суть не что иное, как социальная программа и политический лозунг. Идеализируя царя Александра III и его окружение, создатели фильма стремятся подчеркнуть гордость за российское государство и защищающих его воинов, вновь вспомнить такие традиционные ценности, как самодержавие, православие и народность. Подобные ценности приобретали особую актуальность в связи с событиями второй чеченской войны.

В ранний постсоветский период людей интересовал не столько вопрос «Как Россия может спасти мир?», сколько «Как спасти саму Россию?» Однако в начале XXI в. мессианские идеи о том, что Россия – это уникальная страна, у которой должен быть свой путь развития, отличный от Запада, и своя особая роль в мировой истории, обрели новую жизнь. Подобные взгляды, сформулированные, в частности, Ф. Достоевским, время от времени выражали такие радикальные политики, как Г. Зюганов и В. Жириновский. Определенные мотивы мессианства имеют место в работах А. Солженицына. Так, в известной «Гарвардской речи» он отвергает теорию конвергенции между Западом и Востоком, теорию, игнорирующую тот факт, что эти миры друг в друга никак не развиваются и даже непревратимы друг в друга без насилия. Кроме того, конвергенция неизбежно включает в себя принятие и негативных сторон противоположной стороны, что вряд ли кого-то может устраивать. Согласно А. Солженицыну, в XX в. народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. По мнению этого мыслителя, жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада. Иными словами, колоссальный запас духовной энергии, обретенный российским народом через страдания, позволяет ему надеяться на особую роль в будущем человечества.

В работах писателей «демократического» направления идеи российского мессианизма оказываются предметом пародии. Так, В. Пьецух в повести «Новая московская философия» с иронией противопоставляет «старую московскую философию», сторонники которой, начиная с Чаадаева, подчеркивали отсталость России по

сравнению с Западом, «новой московской философии», согласно которой России предначертана особая духовная миссия в истории: наша страна должна стать Третьим Римом. Сам автор повести не выражает убежденности в том, что Россия непременно должна спасти мир. В другом произведении «Центрально-Ермолаевская война» В. Пьецух отмечает, что русские всегда готовы к конфликтам, а русская душа включает в себя все: и созидательное начало, и дух всеотрицания, и экономический задор, и восьмую ноту, и чувство национального достоинства, и витание в облаках [Marsh, 2007, p. 555–578].

Идеи «традиционализма» в России представлены, в частности, в трех известных художественно-публицистических журналах. Члены редакционной коллегии журнала «Москва» отстаивают идеи консерватизма и почвенничества, проявляют пристальный интерес к истории русской религиозной мысли. Сторонники «Молодой гвардии» придерживаются неокommунистических взглядов, подчеркивают необходимость создания сильного, обороноспособного централизованного государства. Последователи журнала «Наш современник» защищают идею национал-патриотизма. Характерным выражением подобных мыслей выступает повесть А. Проханова «Последний солдат империи», где главный герой – ученый с пренебрежением отвергает предложение работать в США.

Идеи русского мессианизма нашли свое отражение даже в столь демократическом издании, как «Литературная газета». Так, писатель, бывший эмигрант Ю. Мамлеев в работе «Россия – между вечностью и любовью» писал, что «призвание России – привести мир, в особенности Европу, к новой и более (в моральном и интеллектуальном отношении) высокой цивилизации» и что «православие – это наиболее цельное ядро мирового христианства» [там же]. Согласно Мамлееву, на Западе все намерения сводятся к идеологии денег, наиболее примитивной идеологии материализма и эгоизма. С критикой подобного стереотипного представления о Западе выступил, в частности, другой российский писатель-эмигрант В. Аксёнов в статье «Ностальгия или шизофрения».

В конце XX – начале XXI в. в России обретает популярность так называемый «имперский роман», в рамках которого подчеркивается идея необходимости создания сильного государства и территориальных приобретений. Характерным примером последнего выступает произведение П. Крусанова «Укус ангела». Крусанов

описывает альтернативный мир, где Россия предстает не тем государством, территория которого сократилась до минимальных размеров за последние 200 лет, а страной, границы которой простираются от Китая до Балкан. Более того, правители этой страны полны решимости расширить эти границы. Подобное произведение находит отклик у тех читателей, которые стремятся хоть как-то компенсировать утрату государством статуса сверхдержавы.

В указанную эпоху враждебность некоторых россиян к Западу выражается скорее в антиамериканских или антисемитских, чем в антиевропейских настроениях. Российские национал-патриоты подвергают критике западное общество по следующим основаниям: 1) коммерциализация общества и угроза американского глобализма; 2) рост насилия и порнографии как в обществе, так и в средствах массовой информации; 3) ничем не ограниченный рост богатства и власти олигархов, большей части еврейского происхождения, что подготавливает почву для роста антисемитских настроений. Все эти черты нашли свое отражение в романе А. Проханова «Господин Гексоген», получившем премию «Национальный бестселлер» за 2002 г., что свидетельствует о востребованности антизападных настроений в России начала XXI в. Проханов выдвигает предположение, что на встрече М. Горбачёва и Р. Рейгана в Рейкьявике в октябре 1986 г. была достигнута негласная договоренность о распаде СССР. Режим Б. Ельцина представлен в романе Проханова как криминальный, коррупционный и «декадентский». Решающее политическое влияние в рамках этого режима принадлежит двум олигархам еврейского происхождения, прототипами которых выступают В. Гусинский и Б. Березовский. В романе подчеркивается презрение олигархов по отношению к России, их преклонение перед зарубежными предметами роскоши, их связь с международной сионистской организацией, руководящие центры которой расположены в Израиле и США. Проханов формулирует протест против «западных» рыночных ценностей, ассоциируемых с олигархами еврейской национальности, и процветающих с помощью взяток торговцев с Кавказа. На страницах романа разворачивается конфликт между прозападно настроенными сотрудниками ФСБ, с одной стороны, и национально ориентированными военнослужащими из Главного разведывательного управления Генерального штаба – с другой.

Положительные отзывы на роман Проханова были высказаны даже в среде так называемых «либеральных» публицистов. Например, А. Иванов, руководитель издательского центра «AdMarginem», отмечал, что в романе «Господин Гексоген» развенчивается юношеский энтузиазм по поводу капитализма 1990-х годов: люди уже не так восхищаются супермаркетами, кока-колой, фуа-гра или божоле. Проханов выразил в своем произведении энергию социальной ненависти: когда читатель видит, как перед ним проезжает «мерседес», ему хочется бросить в него камень. Если одни критики сравнивают прозу Проханова с традициями социально-политической ответственности русской классической литературы, то другие считают его романы продолжением тенденций неосталинизма таких писателей, как В. Кочетов и И. Шевцов.

Р. Марш усматривает антизападнические тенденции в экранизации произведения Б. Акунина «Азazelь», где имеют место ссылки на «иудейско-масонский» заговор и где источником зла оказывается британская аристократка, представляющая международную филантропическую организацию. Сходные тенденции прослеживаются в литературных произведениях «массовой культуры». Так, в романе «Белый легион» И. Рясного реформы М. Горбачёва представляются как воплощение плана ЦРУ, а от полного хаоса посткоммунистического общества Россию спасают бывшие сотрудники КГБ. Подобные произведения созвучны романам Я. Флеминга эпохи холодной войны, как, например, «Из России с любовью». Хотя и те и другие продукты «массовой культуры» вряд ли можно воспринимать серьезно, эти произведения являются более точным индикатором общественного мнения, чем произведения «элитарной литературы». Лозунг «Россия для русских» был первоначально сформулирован в среде маргинальных националистических групп, таких как скинхеды. Выразителем подобных идей выступила панк-группа «Террор», выпустившая сборник песен под названием «Скинхеды идут», где также ставится вопрос об «иудейско-масонском» заговоре. Вместе с тем, согласно данным социологических опросов, проводимых в середине первого десятилетия XXI в., негативное отношение к иммигрантам выражает большинство российского населения.

В современном российском обществе зреет протест против западной коммерциализации социальных отношений. Так, патристически настроенные герои романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

принципиально отказываются от покупки западных товаров. Подобные настроения не могут игнорировать создатели рекламы. В конце XX – начале XXI в. западные рекламные образы широко заменяются ценностями, более близкими к российской и советской ментальности. Например, на пачках сигарет «Золотая Ява», производимых в постсоветской России британско-американской компанией, было изображено «вторжение» этих сигарет на американскую территорию, сопровождаемое надписью: «Ответный удар». Некоторые российские авторы подвергают критике избыточную коммерциализацию российского телевидения. Так, герой рассказа В. Крупина «Сталинская дача», по выражению Р. Марш, интересной, хорошо написанной работы националистически настроенного автора [Marsh, 2007, p. 555–578], указывает, что все свободные от совести достижения Запада наваливаются с экрана на российского телезрителя. Крупин возмущается рекламой на телевидении предметов женского туалета. Р. Марш по этому поводу замечает, что в советскую эпоху подобные предметы не только не рекламировались, но и не продавались. Крупин замечает, что в телерекламе содержится насмешка над эпизодами российской истории. В этом отношении он вольно или невольно полемизирует с В. Пелевиным, который с иронией описывает работу создателей рекламы.

Многие писатели, представители российской эмиграции, стремятся в своих произведениях представить более реалистическую картину западного общества, укрепить узы взаимопонимания между Россией и Западом. Вместе с тем В. Аксёнов в романе «Московская сага» подчеркивал, что западному человеку трудно понять российскую историю и русские традиции, сформировавшиеся на протяжении многовековой истории становления нашего государства. Другие российские писатели-эмигранты, такие как С. Довлатов, Э. Лимонов, описывали в своих книгах западный мир с эмоциями и юмором. Р. Марш отмечает, что российские писатели могли бы не только ставить перед собой вопрос о том, как западный человек понимает Россию, но и представить более глубокий взгляд «со стороны» на общество Запада, помогая тем самым американцам и западноевропейцам лучше понять себя.

Состояние безусловного восхищения Западом нередко переходило у российских писателей, живших в Западной Европе, в освобождение от чрезмерных иллюзий. Так, А. Герцен, автор автобиографического произведения «Былое и думы», к середине XIX в.

перешел от позиции «западника» к точке зрения славянофила. Этот переход можно проследить также у представителей «третьей волны» русской эмиграции. Так, возвратившийся на родину А. Солженицын в своих воспоминаниях о жизни на Западе («Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнанника») возмущается характерной для западноевропейских и американских мыслителей тенденцией отождествления России с коммунистическим режимом. Жители постсоветской России рассматривали писателей-эмигрантов, которые остались жить на Западе, как «бывших граждан». По выражению Б. Хазанова, эти писатели, как жена Лота, не в силах обратить свой взгляд назад: они остаются верны своей родине, но эта родина уже не существует [Marsh, 2007, р. 555–578]. Все это не означает, что эмигрантская проза перестала быть актуальной: литература, основанная на памяти, имеет не меньшее право на существование, чем любая другая литература. Тем не менее сторонники российского национал-патриотизма продолжали критиковать писателей-эмигрантов за то, что те покинули свою родину и наслаждались «легкой жизнью» за ее пределами. К середине 1990-х годов в российской прессе обнаруживается тенденция, в соответствии с которой чаще публикуются те интервью бывших писателей-эмигрантов, где они выражают скорее свое разочарование западным образом жизни, чем восхищение.

В. Ерофеев в работе «Хороший Сталин» демонстрирует в целом позитивный взгляд на французское общество. Он, в частности, отмечает поддержку, которую оказали французские коллеги ему и другим авторам альманаха «Метрополь» в то время, когда этот альманах был осужден в СССР. Вместе с тем Ерофеев воспроизводит традиционный стереотип западного общества как сугубо материалистического, подчеркивая, что «главное занятие французов – это потребление пищи» [там же]. В одной из своих статей он обращается к пушкинской идее о том, что Россия имеет мало общего с Европой, ее история требует к себе иного подхода.

В фильме А. Сокурова «Русский ковчег» проводится идея о том, что в современной России одновременно сосуществуют различные периоды российской истории: и элементы феодализма, и черты раннего капитализма, и традиции социалистического общества. Проходя по залам петербургского «Эрмитажа», герой фильма Сокурова констатирует, что русские весьма удачно копируют эс-

тетические идеи западных мастеров. Реплика одного из героев фильма «Прощай, Европа!» может означать наступление эпохи коммунистического режима и разрыв России с европейскими традициями на многие десятилетия.

Начиная с 1991 г. Россия становится более открытой к Западу, чем в предшествующие исторические периоды XX в. Для россиян все более открываются возможности для ассимиляции западной культуры. У жителей России формируется все более сложный и многогранный «образ Запада». Молодые россияне уже не воспринимают Запад как единое целое, проводя различие между США и разными странами Западной Европы. Сближению российской и западной культур способствовало в конце XX – начале XXI в. то обстоятельство, что в эпоху постмодернизма имеет место кризис «великих сказок», например мечты об американском обществе капиталистического благоденствия или советском коммунистическом строе. Несмотря на процесс социокультурной конвергенции России и Запада, в российских средствах массовой информации и произведениях искусства образ Запада представляется условным и недифференцируемым, скорее воображаемым, чем реальным.

Поиск национальной идентичности в посткоммунистической России охватывает широкий спектр взглядов, истоки которых можно найти в классической литературе XIX в. С одной стороны, представители эмиграции и демократически настроенные писатели выражают симпатии по отношению к западным ценностям, пытаются с помощью своих произведений укрепить процесс взаимопонимания между Россией и Западом. С другой стороны, в России имеет место тенденция перехода общественного мнения от симпатии к Западу в начале 1990-х годов к националистическим и антизападным настроениям в конце 1990-х и в первом десятилетии XXI в. Этот переход обусловлен и социально-политическими предпосылками. М. Горбачёв и Б. Ельцин в начальный период своего правления призывали к тому, чтобы Россия в ближайшей перспективе присоединилась к основному течению мировой цивилизации. Однако в середине 2000-х годов, при президенте В. Путине, более актуальным становится вопрос о том, следует ли России ориентироваться на Европу или у нее должен быть свой собственный путь развития. Наряду с ростом «традиционалистских», консервативных настроений в России все более формируется пред-

ставление об опасном влиянии Другого, будь то Запад, Израиль или «лица кавказской национальности». Вместе с тем многие представители российской культуры отнюдь не считают образ Запада как «другого Я» России устаревшим, несмотря на то обстоятельство, что концепция Западной Европы становится все более изменчивой и условной. Во второй половине 2000-х годов правительство В. Путина продолжает проводить независимую внешнюю политику, отказавшись от мессионистской риторики и поддерживая тесные отношения с ведущими государствами Западной Европы, такими как Франция и Германия. В российской литературе и кинематографе начала XXI в. образ Запада остается амбивалентным, каким он был и в предшествующие исторические эпохи. Это обстоятельство обусловлено влиянием культуры таких разных эпох, как дореволюционная Россия, Советский Союз, постсоветская Россия. Вопреки широкому разнообразию мнений в поисках российской идентичности Западу отводится значительная роль.

Т. Момтез отмечает, что основной вопрос, стоящий перед руководством страны, которая взяла курс на социально-экономико-культурную модернизацию: следует ли заимствовать ценности, уже выработанные культурой индустриально развитых государств, или использовать традиционные для данной культуры ориентиры? В зависимости от ответа на него в среде российской интеллигенции издавна существуют два лагеря. Если одни убеждены, что все лучшее может исходить с Запада, то другие считают, что у России должны быть собственный путь развития и собственная духовность, отличные от западных [Momtaz, 2016, p. 1–6]. В любом случае попытки сравнения с западным миром оказываются наиболее важным элементом формирования современной российской идентичности. С одной стороны, существует убеждение, что любой человек или общество могут черпать источники своего роста прежде всего внутри самих себя. С другой стороны, некоторые западные мыслители и политики подчеркивают, что в случае, если Россия действительно обладает своим уникальным путем развития, ее следует держать на расстоянии от остальной Европы.

Те, кто считает, что Россия существенно отличается от Запада, указывают на такие обстоятельства, как отсутствие в ней подлинного гражданского общества, ее «закрытость» по отношению к остальному «открытому обществу». Нередко Запад ассоциируется у россиян с чем-то «другим». Понятие национальной идентично-

сти нельзя определить иначе, чем через различие, как нечто «иное». Различие, исследуемое в процессе сравнения с «другим», способствует выявлению взаимного влияния России и Запада, пониманию собственной идентичности.

Факты, говорящие об очевидном влиянии западных ценностей на российскую культуру, отнюдь не отрицают процесса формирования российской идентичности. Россияне не столько выступают «имитаторами» западных моделей, сколько перерабатывают эти ценности на национальный лад, являясь полноправными участниками процесса глобализации. «На примере изучения культурных практик в таких сферах, как мода и стиль, музыка, общественное питание, можно видеть, как россияне уважают свои традиции, социальные ценности и национальную идентичность, как они очень горды своей “русскостью” и как верят в силу “русской души”» [Momtaz, 2016, p. 6]. Все это неизбежно уживается с желанием стать более «современным», более «цивилизованным» и более «западным». Россияне не просто повторяют западные привычки, а изобретают творческие пути сохранения своей уникальности. Иными словами, они формируют в рамках культурных практик собственный «русский Запад».

Список литературы

1. *Bagger H.* The study of history in Russia during the post-soviet identity crisis // Scando-Slavica. – Oxford, 2007. – Vol. 53, N 1. – P. 109–125.
2. *Marsh R.* The nature of Russia's identity: The theme of «Russia and the West» in post-soviet culture // Nationalities papers: The journal of nationalism and ethnicity. – Oxford, 2007. – Vol. 35, N 3. – P. 555–578.
3. *Momtaz T.* The significance of the «west» in processes of post-soviet Russian identity formation (societal and cultural perspectives) // Arts social sciences. – L., 2016. – Vol. 7, N 5. – P. 1–6.